

Аня Ханкевич:

С гостьей за солянкой по-грузински
на поляне Азау общалась Елена Дмитренко
Фото:

Роман с лыжами

— прораيدر Amplid, Halti, инструктор по сноуборду и горным лыжам
— стаж катания: на лыжах 25 лет, на сноуборде — 10
— выпускница МГУ им. Ломоносова, факультет психологии

В сезоне 2009:

Контест Elbrus Camp 2009—2 место
Контест Домбайского лагеря — 3 место в общем зачете

Red Bull Powder Kick — 2 место

Dombay Open — 2 место

Ледовое побоище — 1 место

В сезоне 2008

Nikita Girlfriends Battle, newschool — 2 место

Фестиваль БГВ Street Battle of Tele2 — номинация «лучшая девушка»

Участие в New School Contest «Air Shock» и No snow jib picnic

Разговоры о женском стиле в альпинизме стали для меня лейтмотивом начала лета 2009 года. Поэтому, когда мы с Аней наконец-то встретились для записи давно запланированного интервью, первый вопрос всплыл «из наболевшего»...

РИСК: — Женский стиль во фрирайде. В чем он выражается?

Я обычно это словосочетание употребляю с негативным оттенком. В российском фрирайде мало девочек с хорошей техникой катания. Сразу видно, что едет девочка... Задняя стойка, неагрессивность движений, проблемы с руками, типично женский укол. Кроме проблем с техникой женский стиль подразумевает обычно выбор далеко не самой сложной траектории, спокойный проезд, обычно без дропов. Тенденции последних лет на соревнованиях — прыжки. Девочки это усвоили и начали их изображать. Эти микроскопические прыжки можно рассмотреть только в бинокль — пусть 10 см, но прыжо-о-о-к. Это тоже часть женского стиля. Но ты же понимаешь, что многие из этих

недостатков свойственны и мне. Так что не нужно думать, что я не уважаю других лыжниц.

Женский стиль в позитивном смысле, наверное, предполагает мягкость, которая может компенсировать некую безбашенность части райдеров мужского пола. Парни несутся, не разбирая дороги, куда кривая выведет. Девушки обычно более аккуратные, пластичные — это приятно видеть. В сочетании с техникой вообще было бы здорово.

А вот, кстати, Андрей Золотоверх сказал однажды очень хорошо про женский стиль. Он обращался ко мне, так что всех нас под общую гребенку подвел: «Девочки, у вас одна проблема — вы слишком часто поворачиваете. Зачем

поворачивать, если можно ехать по прямой? Так берите и ежайте!»

Проезды Андрея максимально спрямленные. Девочки же часто не готовы ехать на тех ходах, на которых хотелось бы кататься во фрирайде.

РИСК: — Совсем прямо, конечно, экстремально, но красиво ли?

Я думаю, что рассуждения Андрея про «прямо» нужно рассматривать с точки зрения «родного» ему рельефа. В Красной Поляне гребни, увенчанные подушками снега. В этом случае, конечно, нужно ехать по линии падения воды. А по полю ехать прямо немного глуповато, можно на нем легкие дуги написать. А стиль катания Андрея Золотоверха очень эндемичный, характерный именно для Поляны, и наиболее красиво смотрится именно там. Это мое мнение. Или вот мы смотрим видео с Аляски. Райдер движется по заснеженному узкому гребню, потому что там нельзя себе позволить чрезмерно поворачивать.

РИСК: — Что соответствует твоему пониманию красоты в катании?

Красивое катание должно соответствовать рельефу. Идет у тебя сложный крутой кулуар, наверное, можно и в нем поворачивать, особенно если он протяженный. Но если он такой длины, что можно проехать прямо, значит, круто было бы проехать его именно так.

РИСК: — А чем ты руководишься, когда выбираешь линию проезда?

Наверное, я смотрю, что мне по силам. На соревнованиях я обычно выбираю несложные линии. Потому что нет ничего хуже, чем выбрать линию и с ней не справиться. Это выглядит очень отстойно. Мне нравится, когда человек едет быстро, поэтому я предпочту линию попроще, но которую я могу проехать на ходах и агрессивно. Не хочу лезть в задницу, чтобы сползть по ней медленно и печально, останавливаясь после каждого поворота. Я стараюсь прийти к скоростному катанию и выбираю линии, которые позволили бы мне проехать быстро.

РИСК: — Я помню, как ты говорила Даше Зариной, что соревнования — это возможность сделать больше, чем ты решился бы сделать на тренировке...

Речь шла о соревнованиях по фристайлу. Для меня есть глобальная психологическая разница между соревнованиями по фрирайду и фристайлу. Во фрирайде у тебя есть один проезд, во время которого ты должен все о себе «рассказать». Из-за этого часто случается состояние чрезмерной возбужденности. Из-за него я обычно на соревнованиях еду хуже, чем могу. А во фристайле у тебя есть несколько попыток — и ты действительно можешь попытаться прыгнуть немного выше головы. Я на фрирайдовых соревнованиях стараюсь выбирать линии аккуратнее. Но все равно бывает, что падаю.

РИСК: — Кто-то из наших райдеров мне говорил, что из наших девочек ему больше всего нравится Ханкевич, но что же она так часто падает?

Да-да! Это глобальная проблема. Корни ее я вижу в том, что в России соревнований мало — в лучшем случае три старта за сезон. А я начала прогрессировать на лыжах, когда в сезон вообще не было соревнований по фрирайду. Мне кажется, что с предстартовым волнением можно справиться лишь опытом. У психологов есть закон оптимума мотивации. Суть его в том, что эффективность деятельности наибольшая, когда мотивация не чересчур высока, равно как и не чересчур низка. В этом случае результат оптимальный. Я надеюсь, что текущий рост моих результатов — это показатель того, что я учусь с волнением справляться.

РИСК: — У нас не так много девочек в лыжном фрирайде. И можно говорить, что ты одна из лучших наших лыжниц...

...Я надеюсь на это.☺

РИСК: — Этот факт тебя мотивирует или расслабляет?

Когда я пытаюсь понять свое место в этом мире, я ищу свои идеалы либо среди наших ребят, либо соотношу свой уровень с западными лыжницами. Потому что, конечно,

приятно погладить себя по головке и сказать: «Ах, какая я молодец!» Но у нас ведь действительно невысокий уровень. И то, что здесь ты крутой, на мировом уровне вообще ничего не значит.

Мне на западных девочек сложно ориентироваться — нужно выезжать за границу. А я первый раз была на международных стартах в Болгарии в этом году. И там я увидела, что в принципе не все так плохо. Но когда я посмотрела на FWT, я была в шоке от того, как они «мочат». Это очень серьезный уровень! На наших соревнованиях я борюсь сама с собой. Я, конечно, представляю уровень всех участниц и надеюсь быть в призах. Но я знаю, что какое-то нелепое падение может меня из призов выбить. И все же в первую очередь я стараюсь намечать не ту линию, которая принесет победу, а ту, которая лично мне интересна. И это более спрямленные линии, на которых не нужно уходить в «огороды».

Далеко за примерами ходить не надо. На Dombai Open-2009 линия Наташи Сафроновой была выигрышная. С дропами, ходами. Но она девчоночья, лайтовая. И я не захотела туда ехать. Для меня это сложный вопрос — я вроде бы сама с собой соревнуюсь. Но спонсорам нужны призовые места — это груз ответственности. Можно сколько угодно рассказывать, что ты крутой райдер, но без призовых мест кто этому поверит?

РИСК: — А как нынче обстоят дела со спонсорами?

Тяжело. Многие райдеры лишаются контрактов. В связи с этим, думаю, у нас увеличится конкуренция, может быть, это пойдет на пользу. Если раньше получить лыжи не стоило особого труда, то сейчас, конечно, даже то, что тебе дают комплект снаряжения, означает, что ты что-то из себя представляешь.

Мне повезло. Своих первых спонсоров я обрела в разгар кризиса, прошлой осенью. Я рада сотрудничеству и надеюсь, что оно продолжится. Участие даже в квалификационных турах FWT требует больших денег. Но я понимаю, что сейчас трудно рассчитывать на такие серьезные вложения в спортсменов. Так что все не очень просто.

РИСК: — Как ты относишься к своим неудачам?

А они у меня есть? Я в этом не уверена. Если говорить про спортивную карьеру, то мне нравится, как все идет, учитывая, что я недавно снова встала на лыжи. Я понимаю, что у меня не все идеально, но я над собой работаю.

РИСК: — Скорее, вопрос был о том, как ты смотришь на жизнь... Очень позитивно!

Ну да.☺ Последние несколько лет я очень довольна своей жизнью. Судьба дауншифтера меня не миновала, бросив офисную работу, я поняла, насколько она на меня давила. Пока я работала в офисе, конечно, мне казалось, что все благополучно, но все это было навязано извне, все кругом мечтали сделать карьеру. Когда я ушла из офиса, а это, надо сказать, был серьезный шаг, в моей жизни наступил один сплошной позитив.

РИСК: — А чем ты зарабатываешь на жизнь?

Я инструктор по сноуборду. Стараюсь разумно сочетать поездки, связанные с работой и спортивным ростом. И спонсорская поддержка для меня, конечно, значима. В этом сезоне мне повезло, что я участвовала в съемках нашего фильма «Ажиотаж». ActionBrothers помогли мне в поездках.

А вообще, хочешь жить — умей вертеться! Временами я понимаю, что моя жизнь похожа на существования трут-

ня, нароста на обществе. Но когда я на тренировочном выезде в горах (например, во время летнего лагеря на Эльбрусе), я встаю в 7 утра, поднимаюсь на гору и тренируюсь в парке до 4-х часов. У меня есть своя программа, я хочу разучить новые трюки. На следующий день все повторяется. Я бы не назвала это отдыхом. То же самое с инструкторством. Когда ты работаешь с клиентом — ты, по сути говоря, не катаешься. Хотя у меня с клиентами всегда складываются хорошие отношения. Но это не отдых — это работа.

Последние две поездки я инструкторила на лыжах, так что, наверное, перейду на лыжи полностью. Но это тоже очень сложно. Потому что работа инструктором сказывается на собственном катании. Когда проведешь неделю в плуге, катаясь со скоростью 5 км/ч, сложно потом разогнать себя и сделать что-то такое, в чем не на все 100 уверен. То есть реально ты за деньги отдаешь часть своего уровня. У меня такое восприятие процесса.

РИСК: — Я тут на подъемнике своим большим ухом подслушала, как Мэд сказал, что в твоей технике стало слишком много техники. Что он имел в виду?

Я пока не представляю, что он имел в виду. Как говорят, танец должен идти из души, и не важно, насколько четко двигаются твои ноги, если есть подъем, который эмоциями

выливается на зрителя. Это всегда чувствуется. Также в музыке важна экспрессия, твой порыв. Наверное, это и подразумевал Ваня, имея в виду, что я слишком технична. Это тоже плохо. Иногда неровности, шероховатости в технике «цепляют». Если ты движешься идеально — это красиво, но не трогает. Хотя я свою технику идеальной не считаю. Ванино замечание трактовала для себя как необходимость повышать агрессивность катания, двигаться на больших ходах.

РИСК: — Накладывает ли спорт ограничения на твой образ жизни? У тебя есть режим?

Да. Я уже немолода, это накладывает свой отпечаток. Если 15-летний может всю ночь пить, гулять, а потом весь день прыгать в парке, то я, если переберу с алкоголем, на следующий день на гору не выйду. Мне нужно много спать, и я даю себе выспаться, ложась рано. Я стараюсь создать своему организму максимально комфортные условия для отдыха, чтобы он ответил мне продуктивной работой, когда я катаюсь. Мало кто может быть ярким райдером и активным тусовщиком одновременно, и таких людей ценят вдвойне.

РИСК: — А как развивался твой роман с лыжами?

Как это было в старину, нас «поженили» еще до рождения. © Вся моя семья, включая бабушку и дедушку, катается на лыжах. Естественно, мое рождение семейные традиции не изменило. Конечно, были попытки отдать меня в гимнастику, но не прошло. Жили мы в Крылатском, так что не было у меня иного пути, как пойти в горнолыжную школу. И пробыла я там до 13 лет с переменным успехом. По духу я не соревновательный человек, и в те годы мне это сильно мешало достичь серьезных успехов. Зато теперь пытаюсь наверстать упущенное. Не знаю, насколько это правильно.

Был у меня большой перерыв в катании — я училась в серьезном лицее, потом поступила в МГУ. Роман с лыжами на время прервался. Но главный любовник — горы — не уходил с горизонта никогда. Это был период, когда я занималась альпинизмом. Потом наступило время, когда я начала ходить в горы уже со сноубордом. А несколько лет назад я подумала: «А почему бы мне снова не попробовать лыжи?» И оказалось, что за те годы сами лыжи существенно изменились, появились «твинтипы», фрирайдные модели. Изменился подход к лыжам в целом. Если раньше лыжи были «хождением по вешкам» от рассвета до заката, то сейчас развилась культура new school — еще более прогрессивное течение, чем в свое время сноуборд. Так что я рада, что вернулась к своей первой любви — лыжам.

РИСК: — А ты бы хотела, чтобы твои дети катались на лыжах?

Я думаю, что у них нет вариантов. Хотя это сложный нравственный вопрос. Я не представляю, как будут выглядеть мои дети. Но если это будет девочка, которая вдруг попросится на бальные танцы, мне будет непросто найти общий язык с ней. Хотя нехорошо довлеть над своими отпрысками, я считаю. Меня не силком в горы тащили. Да, родители мне предлагали. Но я всегда понимала, что это мой собственный выбор, что я всегда могу туда не ехать.

Моя первая поездка в горы с альпинистскими целями была после девятого класса. Отец (мастер спорта, инструктор) набрал группу и повез ее в Узункол. А у меня кризис переходного периода, и я сказала: «Я, с отцом проводить свои каникулы?! Нет! Не поеду». Вся семья очень удивилась. История

закончилась тем, что я пошла на вокзал провожать отца и в последний момент села в поезд вообще без вещей. Хорошо, что вибры и штормовой костюм мне дали напрокат в лагере. Отходила смену на «значок». Я как раз очень уважаю своих родителей, которые, зная обо всех рисках, связанных с горами, не пытались меня оградить от этого, а пытались показать всю прелесть немного необычной для большинства других людей жизни.

РИСК: — Наверное, люди, которые привозят ребенка в горы, считают, что они способны не только показать ему красоту гор, но и познакомить его с опасностями, которые они таят, дабы ребенок был к ним готов.

Так-то так. Но ребенок растет, амбиции, запросы — тоже. И в какой-то момент ребенок говорит: «Дорогие мама-папа, я поехал прыгать BASE...» Как реагировать в таком случае, не очень понятно... Родители большинства ребят, с которыми я ходила в горы, думали, что вот ездят люди на море, так же и в горы можно...

Сейчас мне кажется, что мой отец, наверное, несколько удивляется моему образу жизни, и что ему, может быть, хотелось бы, чтобы я была чуть более обычным человеком. Потому что я в чем-то тоже дошла до крайности.

РИСК: — Как ты считаешь, твой альпинистский опыт дает тебе что-то при катании на лыжах?

Безусловно. И пусть этот опыт не очень большой, он дал мне умение читать рельеф и добираться до нужных мне мест. Сейчас я могу планировать проекты, в которых помимо спусков есть еще и восхождения. Я не жалею о времени, проведенном в альпинизме. Понятно, что увлечения у человека могут меняться. Разорваться невозможно. И прелесть жизни — в ее разнообразии.

Один яркий период сменяется другим. Я двигала науку, лазала в горы, работала в офисе. Я не чувствую себя: «Ах! Я — дитя гор, и ничего больше». У меня очень много было в жизни, надеюсь, что еще больше будет. ↪

